

На правах рукописи

АЛЕКСАНДРОВА Татьяна Леоновна

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРОФЕССИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 22.00.01 –
теория, методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Екатеринбург

2000

Работа выполнена на кафедре социологии Уральского государственного профессионально-педагогического университета

Научный консультант: Доктор политических наук, профессор
МОДЕЛЬ И.М.

Официальные оппоненты: Доктор социологических наук, профессор
ЗАБОРОВА Е.Н.

доктор экономических наук, профессор
КОТЛЯРЕВСКАЯ И.В.

Доктор философских наук, профессор
СЛЮСАРЯНСКИЙ М.А.

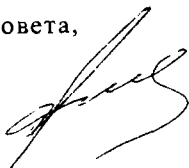
Ведущая организация: Институт экономики Уральского отделения
Российской Академии наук

Защита состоится "19" сентября 2000 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д.063.78.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора социологических наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620 083, Екатеринбург, К-83, проспект Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан "12" августа 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор социологических наук
профессор

 Л.Л. РЫБЦОВА

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Процессы социальной трансформации в российском обществе и связанные с ними коллизии ставят перед социальным наблюдателем все новые и новые проблемы теоретического характера, связанные с их осмыслением и объяснением. Одни из них поддаются интерпретации с помощью уже накопленного мировой социологической мыслью теоретического багажа, другие, оказываясь для отечественной социологии во многом беспрецедентными, требуют нового теоретического инструментария.

Развертывающийся перед нами грандиозный социальный эксперимент стимулирует не только интенсификацию эмпирических исследований, но также не в меньшей мере и обогащение теории, разработку новых подходов, концептуальных схем и методологических ориентаций, которые позволили бы выработать адекватную нынешним переменам исследовательскую перспективу и стратегию анализа. Решение комплекса познавательных задач такого рода сопряжено с немалыми трудностями. Истоки их коренятся в характере и особенностях самого социологического знания.

Генезис социологии как самостоятельной науки исторически связан со становлением и утверждением гражданского общества, с уже ставшей «современностью» (модерном). Весь понятийный аппарат и исследовательские процедуры социологической науки нацелены на адекватное социальному заказу «модернистского проекта» отображение социальной реальности, на интерпретацию и объяснение не любого типа социальности, а именно зрелого индустриального общества. Изучение доиндустриальных традиционных обществ оказывается прерогативой либо философии истории и социальной философии, либо занимающих периферийное место в системе социологического знания исторической социологии и этносоциологии. В лучшем случае немодернизированные типы социальных систем изучаются в русле теорий модернизации, то есть рассматриваются с точки зрения становления предпосылок «современности».

Однако попытки анализировать процесс перехода к современности, в свою очередь, наталкиваются на препятствие в виде явного дефицита теорий социального развития. Социология традиционно акцентировала в гораздо большей степени проблематику «социаль-

ной статике», нежели «социальной динамики». Социальное знание о механизмах социального перехода весьма фрагментировано и ограничено, причем концентрируется в основном вокруг макроподходов, тогда как интерпретация феномена переходности на микроуровне, уровне анализа поведения индивидов и социальных групп, зияет «белыми пятнами». Представления о механизмах индивидуального выбора в условиях глобальной социальной переходности, о его ценностных основаниях, о возникающих здесь альтернативах пока не концептуализированы в сколько-нибудь удовлетворительной степени. Отсюда многочисленные ссылки на «непредсказуемость», иррациональность поведения россиян в социально значимых сферах их повседневной активности - от сберегательных установок до электоральных действий. Какова роль механизмов ценностной регуляции массового поведения в переходные эпохи, что лежит в основе их динамики, какие дифференцирующие факторы лежат в основе типологизации социального поведения в условиях «социального хаоса», - на эти важнейшие вопросы пока нет ясных ответов.

Новая (очередная) попытка вхождения России в «современность» ставит перед социальным познанием целый ряд серьезных проблем междисциплинарного характера: о пределах устойчивости национальной культуры к внешним воздействиям; о соотношении эндогенных и экзогенных источников глобальной социальной трансформации; о границах применимости наличных социальных, экономических и культурологических теорий к объяснению новых российских реальностей. Фокусом этого круга проблем выступает вопрос о национальной идентичности отечественного обществознания, о его способности развивать и обогащать теорию в соответствии с потребностями своего собственного общества, с социальным заказом российского социума. В рамках отечественной социологии этот императив времени пока не только не принят к исполнению, но даже еще не осознан в должной мере. Усилившиеся в последнее время импульсы к опоре на традиции отечественного обществознания связаны с освоением и актуализацией научного наследия таких столпов российской социальной мысли, как А. А. Богданов, С. Н. Булгаков, Л. Н. Гумилев, Н. Д. Кондратьев, П. А. Сорокин, П. Б. Струве, А. В. Чаянов и др., и затронули пока в большей степени экономическую теорию, историю и культурологию, нежели сферу социологии.

Сегодня в комплексе социальных преобразований российского общества на первый план выдвинулись задачи экономического реформирования (идеологические и политические задачи переходного этапа уже в основном решены, реформа в социальной сфере еще только предстоит). И здесь первостепенной задачей социологической теории также оказывается объяснение поведения массового экономического субъекта, который является одновременно и объектом реформ. Как показывает первый опыт осмысления этой проблематики, опора на традиционные экономические теории в рамках «мейнстрима», по большей части игнорирующие данные социологического и культурологического анализа, не позволяет дать удовлетворительное научное объяснение тенденций хозяйственного поведения россиян в переходную эпоху. С другой стороны, попытки интерпретировать их лишь в терминах социально-политического детерминизма, когда главным ключом к пониманию нынешних социальных проблем выступает апелляция к непреодоленному наследию социализма, также обладают весьма ограниченным познавательным потенциалом. Существуют более долговременные, чем обусловленные определенным общественным строем, особенности поведения больших масс людей; это обстоятельство становится особенно очевидным при сравнении хода реформ в Восточной Европе, странах СНГ, в Китае и Юго-Восточной Азии.

В исследовании экономического поведения за более чем два столетия сложились определенные традиции, подходы, школы. Они дифференцируются, с одной стороны, как по линии размежевания противостоящих друг другу течений внутри экономической науки, так и, с другой стороны, в связи с различием подходов экономической и социологической наук. Попытка интеграции или тем более синтеза этих во многом противоположных традиций означала бы по существу конституирование методологических основ экономической социологии как отдельной «школы» или узко ограниченной области знания, а не как «общего названия, охватывающего различные теоретические традиции и предметные области». Пока же теоретическая база исследования экономического поведения в рамках экономической социологии остается крайне фрагментированной.

Итак, актуальность исследования в методологическом плане заключается в необходимости расширения исследовательской перспек-

тивы в социологии ввиду принципиально новых задач, встающих перед ней в нашем обществе с учетом национально-культурной определенности социального знания. Это требует актуализации отечественных традиций социального познания применительно к современным проблемам.

В теоретическом аспекте настоятельным требованием познания выступает концептуализация целого ряда теоретических проблем (специфика хозяйственного этоса россиян, роль ценностной регуляции в их хозяйственном поведении, ценности профессионализма и профессионального поведения в условиях переходности) на существенно обновленных методологических основаниях по сравнению с принятыми в западной традиции социальных исследований. Наиболее актуальной в этом комплексе проблем представляется потребность в разработке теоретико-методологических основ экономической социологии как относительно самостоятельной отрасли знания.

Основная проблема, на которой сосредоточено внимание в данной диссертации и которая составляет цель исследования – динамика и перспективы развития ценностных оснований российского хозяйственного этоса в условиях переходности. Достижение этой цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач:

1. Определение теоретических предпосылок и основных методологических принципов анализа данной проблемы, формирование ее социологического дискурса. Реализация подобной задачи немыслима вне широкого историко-социологического, социокультурного и политико-экономического анализа.

2. Выявление специфики российского хозяйственного этоса как регулятора экономического поведения и разработка соответствующего понятийного аппарата. Потребность в идентификации экономической ментальности россиян актуализирует и задачу национальной самоидентификации отечественной социологической и экономической мысли.

3. Рефлексия сложившейся методологии социологического исследования профессий и разработка на этой основе экономико-социологического подхода к изучению профессиональной деятельности, как сферы экономического поведения. Ключевое место здесь принадлежит прояснению отношения экономических и внеэкономических регуляторов социально-исторического развития профессии.

Решению этих основных исследовательских задач посвящены соответственно 1, 2 и 3 главы диссертационного исследования. В качестве объекта исследования выступает массовое экономическое поведение рядовых (не обладающих привилегированными позициями в системе экономической стратификации) хозяйствующих субъектов. Предметом исследования является проблема ценностного выбора в сфере хозяйства, переопределение сложившейся иерархии экономических и хозяйственных ценностей в массовом сознании.

Методологические и теоретические основания. Автор опирается на классические традиции и наследие веберизма, заложившего теоретические и методологические основы экономической социологии. Особенно ценным здесь представляется социокультурный подход, акцентирующий роль ценностных оснований и ценностного контекста социального действия. Не случайно веберизм и неовеберизм широко использует также сравнительно-исторический метод, предполагающий учет широкой исторической перспективы, многообразие типов человеческого общества и форм человеческого поведения. Кроме того, внеисторические исследования тяготеют к статике или к разовому изучению ограниченных сфер повседневной жизнедеятельности.

Автор разделяет также тезис о необходимости интенсификации процессов перехода современного социального познания от предметно-ориентированного к проблемно-ориентированному знанию, что востребует возможности междисциплинарного подхода и объединение усилий ряда наук. Разумеется, в рамках диссертационной, то есть квалификационной, работы, посвященной исследованию конкретной проблемы в границах не только отдельной науки, но и специализации внутри нее, реализация этого принципа исследования в полном объеме невозможна по определению. Тем не менее исследование теоретических оснований экономической социологии предполагает работу в предметном поле по крайней мере двух наук - социологии и экономической теории. Кроме того, реализация заявленного выше социокультурного подхода требует обращения и к возможностям культурологического знания (в западной традиции - культурной антропологии).

При изучении сложных структурных образований (таких как рынок, профессия, экономическая система) весьма плодотворным

представляется также применение системного подхода, позволяющего схватывать определенный аспект целостности объекта - как единство его генезиса, функционирования и структурной организации. Трудно обойтись и без привлечения институционального анализа, особенно на макроуровне рассмотрения проблем, хотя он носит здесь подчиненный характер.

Наконец, незаменимыми в исследовании проблем переходности оказываются также достижения социальной синергетики.

Другим принципом нашего теоретико-методологического исследования выступает максимальная опора не только на наследие некоторых течений классической социологии (понимающей социологии, неовеберизма, исторической социологии хозяйства), но также на традиции отечественной социальной мысли. Здесь весьма перспективными представляются наработки органической школы, в лоне которой развились, начиная с 19 в., ряд самобытных концепций. Среди них теории циклического развития культуры (представленные именами Н.Я. Данилевского и П.А. Сорокина); теория этногенеза Л.Н. Гумилева; концепции евразийства, как основы идентичности российской цивилизации; теории социальной экономики ряда выдающихся отечественных экономистов; социально-философское учение С.Н. Булгакова, и др.

Опора на социологическое наследие при исследовании социальных теоретических и методологических проблем представляется необходимой, так как эвристический потенциал многих созданных в прошлом концепций отнюдь не исчерпывается рамками соответствующей исторической эпохи. Кроме того, ретроспективный анализ позволяет выявить онтологические, эпистемологические, а также идеологические основания заметных расхождений в методологических позициях тех или иных исследователей. Генезис многих современных теоретических построений так или иначе коренится в достижениях предшественников.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема социокультурных основ хозяйственного поведения не является новой в социологии. Он получила основательную разработку в трудах выдающихся представителей немецкой классической социологии - М. Вебера и Г. Зиммеля, а также представителя исторической школы немецкой политической экономики В. Зомбарта. Отдельные аспекты

этой проблемы получили освещение и в трудах видных экономистов, таких как Т. Веблен и другие институционалисты, Г. Беккер, К. Поланьи, Й. Шумпетер, А. Этциони. Большая роль в анализе ценностных основ экономического поведения принадлежит работам Т. Парсонса и Н. Смелзера. Однако проблема изучения специфики российского хозяйственного этоса перед ними, естественно, не стояла.

Среди российских ученых большой вклад в изучение данной проблемы внесли Л. Горичева, Н. Зарубина, Е. Майминас, В. Марьяновский, Н. Наумова, Ю. Ольсевич, Ю. Осипов, А. Панарин, О. Платонов, В. Рязанов и другие. Другая группа ученых, в меньшей степени акцентирующая специфику социального поведения россиян в сфере экономики, пытается применить разработанные в русле западной традиции схемы и модели анализа: в их числе В. Автономов, В. Верховин, А. Гаджиев, Л. Косалс, В. Лапыгин, А. Олейник, В. Радаев, Р. Рывкина, В. Соколинский, Г. Соколова, Я. Эйдельман и др. Социологи, а также экономисты и психологи исследуют проблемы трудового (Л. Гордон, В. Гимпельсон, В. Магун, Н. Тихонова), потребительского (И. Алешина, С. Гребениченко), предпринимательского (В. Верховин, Ю. Душацкий, Ю. Красовский, И. Модель, В. Щербина), а также инвестиционного (Е. Аврамова) поведения. Предметом особого исследовательского интереса выступает поведение безработных (С. Дановский, Н. Чернина и другие).

Что касается проблем, связанных с исследованием процессов переходности, существенный вклад здесь внесли представители социальной синергетики - В. Бранский, В. Василькова, Е. Князева, С. Курдюмов и др. Они показали, что в условиях «социального хаоса» основой самоорганизации общества становятся не институциональные структуры, не организации, то есть не искусственно созданные носители социальности, а семейные связи, малые контактные группы, то есть прирожденные, изначально данные структуры.

Несмотря на достаточно широкий фронт исследования проблематики экономического поведения, остро дискуссионными и слабо разработанными остаются проблемы его детерминации, соотнесение в структуре его регуляции ценностей и норм, с одной стороны, интересов и потребностей, с другой стороны. Недостаточно отработан понятийный аппарат экономико-социологического анализа, экономическое поведение подчас отождествляется с хозяйственным, а ры-

нок как механизм саморазвития экономики - с экономической системой рыночного типа. Социологическое познание в целом, в том числе и в сфере экономико-социологических исследований, продолжают раскалывать две крайние позиции в трактовке сущности социального поведения: восходящее к позитивизму отождествление поведения с суммой реакций на обстоятельства, на ситуацию, - и акцентирование сторонниками гуманистических направлений внутренней мотивации поведения, роли ценностей в его регуляции.

Исследование в системе экономических ценностей профессионализма и профессионального поведения также сталкивается с рядом трудностей. В отечественном общественном знании они связаны с длительным господством марксистской парадигмы исследования профессий, в рамках которой преобладал социоструктурный подход восприятия профессии. Отечественные традиции социологии профессий поддерживали и развивали, начиная с С. Г. Струмилина, В. Подмарков, О. Шкаратан, М. Титма, М. Тальюнайте, Г. Чередниченко, Л. Оссовский, И. Сиземская, В. Ядов. В последнее десятилетие появились новые исследования, принадлежащие В. Верховину, Э. Вильховченко, Г. Зборовскому, Л. Зубковой, Ю. Климову, Г. Кораблевой, О. Крыштановской, З. Куприяновой, И. Моделю, Л. Рубиной, Е. Хибовской и другим. Но поскольку у этих авторов профессия чаще рассматривается как элемент не экономической, а социальной подсистемы общества, проблема соотношения экономических и социально-культурных функций профессии остается невыявленной.

Разработка основ социологии профессий была осуществлена еще в трудах Г. Спенсера, Э. Дюркгейма. К. Маркса, М. Вебера и получила дальнейшее развитие в работах современных социологов, таких как Б. Барбер, П. Бурдье, К. Девис, И. Иллич, В. Лемперт, У. Мур, Дж. Пристли, А. Сарапата, К. Сваластога, Дж. Томпсон, М. Тьюмен, и др., которые традиционно выделяют в профессиональном корпусе так называемых «профессионалов», противопоставляя их просто «занятиям». Это иной, чем в отечественной социологии, методологический подход к исследованию профессии, характеризующий ее внутреннюю дихотомичность.

Научная новизна работы.

1. Понятие экономического поведения трактуется как аналитическая модель, отражающая прежде всего превращение хозяйствен-

ных задач из средства обеспечения материальных условий жизни в непосредственную цель субъекта. В качестве ведущего признака экономического поведения выступает при этом ориентация на получение не просто полезности, а выгоды. Разграничиваются понятия хозяйственного и экономического поведения, как выражающие существенно различающиеся стороны хозяйственной активности субъекта.

2. Предлагается методологический подход к изучению экономического поведения, выдвигающий в центр исследования проблему ценностного выбора. Такая постановка вопроса позволяет учесть как переходный характер социальных процессов, так и ведущую роль в российском социуме не столько институциональных (искусственно созданных), а примордиальных комплексов.

3. Обобщается история исследования экономического поведения силами экономической и социологической наук на протяжении последних двух столетий, определяются ключевые теоретические оппозиции в понимании его сущности. На этой базе выявляются онтологические основания экономической социологии, которые заключаются во взаимосвязи двух тенденций: экономизации общественной жизни, с одной стороны, и социализации экономики, с другой стороны. Выявляется тенденция неуклонной социализации экономического поведения на протяжении последнего столетия.

4. Раскрывается специфика целевой и ценностной рациональности в сфере экономического поведения. Обосновываются возможности их развития в процессе становления рыночной экономической системы в России, а также положение о господстве в массовом хозяйственном поведении россиян мотивации ценностно-рационального типа, с сохранением сильной доминанты традиционалистской мотивации.

5. Демонстрируется неэффективность сложившихся в современной экономической теории моделей рационального экономического поведения для объяснения хозяйственной активности современного российского населения, так как эти модели работают лишь в условиях социального равновесия при заранее заданных целях поведения.

6. Предложен новый подход к пониманию сущности профессии как социального явления и ведущей сферы экономического поведения. Сформулирована концепция двойственной природы профессии в

генетическом, структурном и функциональном аспектах, основой которой выступает дихотомия органического (на основе личных способностей и призвания) и неорганического (на основе прежде всего экономической необходимости) механизмов развития профессии.

7. Обосновывается сущность экономико-социологического подхода к исследованию феномена профессии, заключающегося в раскрытии его экономических предпосылок, функций, воздействия экономики на структурное членение профессий.

8. Впервые в отечественной социологии вводится в научный оборот ряд принципиальных положений веберовской концепции хозяйства и социологии профессий, представленных им в «Хозяйстве и обществе»: о взаимообусловленности профессионального и экономического поведения; об основаниях типологии профессий; о понятии хозяйствования, и др.

9. Раскрывается диалектика призвания и профессии в деятельности личности, выступающая проявлением дихотомичной природы профессии, как единства органической и неорганической основ ее развития. Исследуется их соотношение в социально-трудовой сфере массовой активности в условиях социально-экономического реформирования.

10. Профессиональная деятельность не только выступает ведущей сферой развертывания массовой хозяйственной активности населения, но концентрирует также и противоречия между целевой и ценностной рациональностью, между экономической и социально-культурной функциями профессии.

Теоретическая значимость работы. В работе предлагается целостная методология исследования системы ценностной регуляции хозяйственной активности российского населения в условиях социально-экономического реформирования общества. Разработана концепция хозяйственного поведения в его взаимосвязи с экономическим поведением. Сформулирован новый теоретический подход к пониманию сущности профессий, заключающийся в обосновании ее дихотомичной природы. Намечены перспективные направления исследований теоретико-методологического характера: место примордиальных структур в современном российском обществе и содержание самой категории примордиальности; соотношение аксиоматики ценности и аксиоматики интереса в исследовании экономического и

хозяйственного поведения; пути движения к обеспечению национальной идентичности отечественной социологии, и другие.

Практическая ценность работы заключается в том, что она позволяет реализовать предложенные новые теоретические подходы в практике эмпирических социологических исследований. Здесь возможно получение новой социологической информации на базе социологических исследований трендов массового экономического поведения.

Апробация. По итогам исследования опубликовано 27 работ (монографий, учебных пособий, статей, тезисов) общим объемом более 80 п.л. Различные аспекты исследования докладывались на 13 всесоюзных, общероссийских и региональных конференциях. Результаты исследования апробированы также в учебных курсах «Экономическая социология», «Социальные проблемы рыночной экономики», «Социология профессий», «Социология предпринимательства», «История социологии», которые были прочитаны студентам специальности «социология» Уральского государственного профессионально-педагогического университета в 1996-2000 гг.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав (включающих 8 параграфов), заключения, списка литературы (содержащего 281 наименование). Объем диссертации 259 страниц, в том числе 1 рисунок и 2 таблицы.

2. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ

Во *«Введении»* обосновывается актуальность проблемы, степень ее научной разработанности, формулируются цель и задачи исследования, дается характеристика его теоретических и методологических основ, определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, указываются формы и характер ее апробации.

Глава 1 *«Методология исследования экономического поведения в условиях переходности»* посвящена обоснованию основных принципов анализа исходной проблемы, обобщению итогов двухвековой дискуссии о сущности экономического поведения в рамках социологической и экономической теории, а также анализу ключевой категории «социальное поведение», как родового по отношению к «экономическому поведению» понятия.

В параграфе 1.1 *«Постановка проблемы»* выявляется ядро проблемной ситуации, сложившейся вокруг исследований экономического поведения средствами социологической науки. Объектом исследования выступают в работе массовые формы экономического поведения рядовых хозяйствующих субъектов, в отличие от поведения специализированных субъектов (предпринимателей, экспертов, разработчиков и проводников экономической политики государства). Опора на положения либерального и неолиберального направления («мейнстрима») экономической теории не позволяет не только предвидеть тенденции массового экономического поведения россиян, но и дать их сколько-нибудь удовлетворительное объяснение. Разработанные в социологической науке объяснительные схемы также оказываются неадекватными. Формой обнаружения этого противоречия являются систематические расхождения между целями экономической политики и их действительными последствиями, между ожидаемым и реальным поведением хозяйственных субъектов, порождающие постоянные сетования творцов российской экономической политики на «непредсказуемость» и «неправильность» действий населения в хозяйственной сфере.

Это свидетельствует, на наш взгляд, об определенном отставании самой теории, о необходимости ее по крайней мере частичного пересмотра и обновления на иных методологических основаниях. Выделяются следующие основные затруднения методологического порядка, встающие перед исследователем социального поведения в хозяйственной сфере в условиях российской переходности.

Первая трудность коренится в характере самого социологического знания, которое возникло и развивалось как теоретическая рефлексия «современности», представленной в первую очередь новейшей историей западной цивилизацией. Отсюда специфический «западноцентристский» характер категориального строя социологической науки, ее преимущественный интерес к изучению модернизированного общества и выраженная периферийность понятий и теоретических схем, нацеленных на исследование традиционных обществ. Прирожденные, первичные, исконные – «примордиальные» структуры и идентичности (семья, этнос, язык, религия, архетипический слой культуры) полагаются в границах социологического знания конституирующей основой доиндустриальных обществ, которая ут-

рывает свое доминирующее значение при переходе к «современности». Хотя российское общество является уже частично модернизированным (социализм с полным основанием может быть рассмотрен как альтернативная форма модернизации), тем не менее примордиальный комплекс играет в его функционировании и развитии основополагающую роль. Осмысление этого обстоятельства позволяет поставить вопрос об ограниченности объяснительного потенциала наличного понятийного аппарата социологического знания, которая обнаруживается при изучении массового социального поведения.

Вторая трудность заключается в дефиците социологических теорий, посвященных интерпретации самого процесса социальной переходности. В составе и социологической, и экономической наук актуализирована прежде всего проблематика социального и экономического равновесия, стабильности, структурной организованности системы, в то время как тематике «социального хаоса», исследованию бифуркационной среды придается в целом второстепенное значение. Здесь названные научные дисциплины заметно уступают достижениям современной синергетики, которая сумела обнаружить содержательные закономерности переходов от социального порядка к социальному хаосу и обратно. Ключевое положение социальной синергетики о фундаментальной несводимости и разнокачественной природе закономерностей развития системы в условиях равновесия и в условиях его нарушения также обозначает пределы эвристической функции современной социологической теории. Кроме того, принципиально различный характер имеет поведение системы в период социального перехода на макро- и микроуровнях ее функционирования. Тенденция социального поведения в условиях нарушенного равновесия изучены еще явно недостаточно.

Третье затруднение методологического порядка связано со спецификой цивилизационного развития России, характер которого во многом отличается от «нормативных» западнцентристских моделей. Социокультурные особенности российского общества в рассматриваемом аспекте заключаются в слабой структурной расчлененности, своеобразном межсистемном трансфере; в преобладании ценностной рациональности над целевой; в неустранимости исторически сложившихся архетипических представлений о власти, государстве, праве, собственности, богатстве, справедливости, морали; в

господстве коллективистских и общинных установок над индивидуалистскими, а экспрессивных ценностей – над достижительными, и многих других явлениях.

В связи с этим подвергаются критике такие распространенные в отечественной социологической литературе исследовательские установки, как западнцентризм, обусловленный им нормативизм (стремление представить западную цивилизацию в качестве нормы и образца по отношению к обществам незападного типа), а также телеологизм (полагание предзаданности развития в соответствии с направлением, желаемым для наблюдателя или для самого общества). Эти установки социального познания, носящие, как правило, неявный, имплицитный характер, формируют восприятие феноменов реального социального поведения в терминах «правильного» и «неправильного», «адекватного» и «неадекватного» задачам рыночных преобразований. Подобный подход закрывает пути к исследованию собственной логики поведения рядовых хозяйственных субъектов и лежащих в его основе моделей, ментальных структур, стереотипов.

Параграф 1.2 *«Исследование экономического поведения в истории социально-экономической мысли»* нацелен на выявление основных парадигм исследования экономического поведения в течение более чем двухвековой дискуссии экономистов и социологов, а также на обобщение встающих здесь познавательных проблем. В качестве основных теоретических узлов дискуссии выступают следующие проблемы:

- природа экономического поведения (рациональное, частично рациональное, иррациональное или иррациональное);
- детерминация экономического поведения (преимущественно экономическая, внеэкономическая, социокультурная и т.д.);
- сущность самой экономики (место в социальном целом, границы, взаимодействие с внеэкономическими подсистемами и институтами).

В качестве основных теоретических оппозиций рассматриваются разрабатываемая в основном в рамках «мейнстрима» концепция «экономического человека» (*homo oeconomicus*), с одной стороны, и противостоящие ей весьма разнородные экономические и социологические теории социальной и культурной обусловленности экономического поведения (представленные, в частности, немецкой исто-

рической школой национальной политэкономии, институционализмом, исторической социологией хозяйства и понимающей социологией), с другой стороны.

Идеи основоположника экономического либерализма, представителя английской классической политэкономии А. Смита основывались на ряде упрощенных экстраполяций (присущие его современникам особенности хозяйственного действия переносились на человеческую природу вообще, а закономерности микроэкономики – на функционирование макроэкономики) и постулатов, которые все более обнаруживали свою ограниченность по мере разворачивания действительных потенций и противоречий рыночного хозяйства. Это относится в первую очередь к аксиомам рациональности, информированности и установке на максимизацию полезности, интерпретируемым адептами либеральной экономики в качестве универсальных законов и внеисторических характеристик поведения хозяйствующего субъекта.

В социально-экономической теории К. Маркса, несмотря на выраженное акцентирование им доминирующей роли экономики в социальном целом, тем не менее содержались и указания на опосредование экономического социальным, как закономерность развития общества. Однако в силу своей преимущественно макроэкономической направленности теория Маркса не позволяла развернуть критический анализ концепции «экономического человека». Эта задача была выполнена другими представителями экономической и социологической мысли.

Среди них особое место занимает школа национальной политэкономии, установки которой были весьма созвучны принципам российской экономической школы. Отмечается актуальность постановки немецкой исторической школой проблем национальной и культурной детерминированности экономического поведения в свете процессов социально-экономической трансформации современного российского общества. Последовательно проводится тезис о национальной обусловленности тех или иных экономических теорий, об их укорененности в конкретных исторических условиях и реалиях. Любая экономическая теория так или иначе оказывается рефлексией наличной хозяйственной практики и уже в силу этого вряд ли может претендовать на универсальность и на какое-либо особое место в

системе экономического познания.

Значительный вклад в углубление представлений о природе экономического поведения внесли концепции институционализма и неoinституционализма, которые представлены учениями Т. Веблена, Дж. Коммонса, Дж. Кларка, У. Митчелла, Дж. Гэлбрайта и др. Нынешний рост популярности этого течения мысли является закономерным следствием осознания социальной природы экономики и экономического поведения. Методологическая ценность наследия институционалистов заключается как в отстаивании положения о социальной обусловленности экономического поведения, так и в идее нерациональности (или ограниченной рациональности) выбора человека в сфере экономики.

Центральное место в рамках анализа различных концепций экономического поведения занимает изучение наследия классиков понимающей социологии – М. Вебера, Г. Зиммеля, а также примыкающего к ним В. Зомбарта, которые заложили научные основы социологической трактовки экономического поведения, как феномена, обусловленного социокультурно и исторически и отличающегося принципиальным многообразием своих форм и разновидностей. В диссертации дается развернутый анализ 11 главы «Хозяйства и общества» М. Вебера («Основные социологические категории хозяйствования»), а также работы В. Зомбарта «Буржуа».

Заметное место отводится и характеристике взглядов представителей российской экономической школы, в лице прежде всего П. Струве и С. Булгакова, давших классические образцы критики «экономизма» в понимании сущности хозяйственного действия. Выдающиеся мыслители XX в. – экономисты Й. Шумпетер и К. Поланьи – также исследовали взаимоотношения экономики и общества, экономической и внеэкономической детерминации хозяйственной активности.

Конституировавшие экономическую социологию в качестве самостоятельной отрасли знания Т. Парсонс и Н. Смелзер пытались интегрировать как наследие понимающей социологии, так и некоторые традиции либеральной экономической теории. В рамках современной экономической социологии проблема объяснения экономического поведения, соотношения его экономических и внеэкономических детерминант остается одной из центральных, как и дилемма ра-

ционального/иррационального. Это связано с пониманием самого социального поведения, с отсутствием единой теории социального действия.

В параграфе 1.3 «*Социальное поведение и система его регуляции*» раскрывается проблематичность категории социального поведения, сложная иерархическая система его регуляции. Центральное место занимает анализ роли ценностей в регуляции экономического поведения.

Сложившиеся в мировой социологии различные трактовки категории «социальное поведение» также носят альтернативный характер, отражая базовые теоретические конфронтации различных социологических парадигм: структура – действие, общество – личность, объект – субъект. С точки зрения объективизма, реализма и позитивизма поведение предстает прежде всего как реакция на ситуацию, на объективные условия, и в этом качестве является производным от наличных объективных условий и потому – в основе своей предсказуемым. Гуманистическая и индивидуалистская парадигма, напротив, исходит из обусловленности социального поведения в первую очередь целями и ценностями самого субъекта, действия которого могут быть и спонтанными, непредсказуемыми. Дихотомия объективизма и субъективизма оказывается ключевой также в объяснении экономического поведения.

Диссертант разграничивает понятия «социальное поведение» и «социальная деятельность». Деятельность, в отличие от поведения, является социально преобразованным, более глубоко социально опосредствованным проявлением активности. По отношению к поведению деятельность выступает как его инвариант, задающий его социальную направленность и определенность. Это более глубокая, сущностная сторона проявления активности личности и общества. Поведение – взаимосвязанный комплекс действий, их последовательная и осмысленная связь.

Система регуляции экономического поведения имеет иерархический характер, причем на вершине этой иерархии располагаются высшие (терминальные) ценности, которые играют ведущую роль по отношению к нижележащим уровням регуляции (таким как интересы, нормы, мотивы, стимулы, установки, стереотипы, образцы и т.п.). В периоды кризисов и нарушения равновесия вся система цен-

ностно-нормативной регуляции рассогласовывается, что приводит к дезорганизации и дезориентации социального поведения. При этом ключевая роль в процессе самоорганизации поведения принадлежит, как показала социальная синергетика, именно системообразующим ценностям.

К числу выраженных особенностей массового социального поведения россиян, накладывающих заметный отпечаток и на их экономическое поведение, можно отнести высокий уровень спонтанности, незначительную роль правовых регуляторов поведения, радикализм и трудности нахождения «золотой середины», низкий уровень организации и самоорганизации социального действия, и др.

Стратегии социального поведения могут быть преимущественно рецептивными, достижительными либо творческими (нацеленными на самореализацию), чему соответствуют и различные типы и модели экономического поведения. Специальному обсуждению подвергается в этой связи вопрос о доминирующем в российском обществе типе экономического поведения. Вывод целого ряда авторов о преобладании в сфере экономической активности ценностно-рационального действия (с остатками традиционного), в противовес наиболее релевантному экономической сфере целерациональному действию, подвергается содержательной интерпретации.

Феномен преобладания в экономическом сознании и поведении россиян мотивации ценностно-рационального характера трактуется не как остаточное и временное явление, но как неустраняемая характеристика поведения, выражающая коренные особенности нашей культуры. Ценности понимаются как конечные основания человеческого действия, которые положены на уровне коллективного бессознательного и имеют таким образом архетипическую природу. В свою очередь, рациональность всегда выступает как содержательная (субстантивная), т.е. социальная характеристика, производная от базовой системы норм и ценностей того или иного общества. В силу этого не может быть раз и навсегда заданных, независимых от социально-исторического контекста, критериев рациональности. Констатируется постоянный взаимопереход рациональности целевого и ценностного характера, а также рациональности и иррациональности в реальной практике функционирования общества.

Диссертантом делается вывод об устойчивости ценностного яд-

ра уже сформировавшейся культуры, о значимости и уникальной исторической способности примордиального комплекса к воспроизводству в условиях российской цивилизации. В обозримой перспективе экономические ценности не смогут занять центральных, системообразующих позиций в иерархии ценностей российского населения. Процессы глубокой трансформации систем «ценностных приверженностей», характерные для переходных эпох, все же не привели к взлому ценностного ядра российской культуры. Напротив, все больше исследователей приходят к выводу об усилении поиска национальной идентичности, о возврате массового сознания к системе традиционных ценностей. Поэтому изменения возможны скорее не в ценностном ядре российской культуры, а на его периферии, в сфере экономических и хозяйственных ценностей.

В главе 2 *«Дифференцированность социального поведения в хозяйственной сфере»* обосновывается различие двух взаимосвязанных понятий – «экономическое поведение» и «хозяйственное поведение», а также дается критический анализ различных течений «экономизма», абсолютизирующих значимость экономических целей и ценностей в социальном поведении.

В параграфе 2.1 *«Хозяйственное поведение и экономическое поведение: социальная природа и социальные различия»* исследуется процесс дифференциации хозяйственного поведения на собственно хозяйственное (доруночное) и экономическое. Доруночное хозяйство, будучи целиком подчиненным задачам воспроизводства наличного традиционного образа жизни и регулируясь социальными нормами и обычаями, еще не образует особой, относительно автономной сферы общественной жизни. Экономика характеризуется в работе как новейший, связанный с формированием рыночной системы саморегуляции, этап в развитии хозяйства, приходящий на смену домашнему, натуральному и городскому хозяйству. Ее суть усматривается в функционировании ценностно-стоимостных, рыночных механизмов регуляции хозяйства. Этому этапу соответствует постепенное превращение приобретения полезных благ из средства в непосредственную и ведущую цель деятельности, а также распространение рыночных соображений выгоды и полезности на остальные сферы социальной жизни.

Присутствие «хозяйства» внутри «экономики» – в качестве

подчиненного, периферийного элемента – обозначается в современной науке с помощью понятия «неформальная экономика». В современной российской экономике роль «неформального сектора» очень значительна не только вследствие ее переходного характера, но и в силу ее глубокой укорененности в хозяйственной практике населения. Традицией российского социума является доминирование скорее хозяйственного чем собственно экономического поведения.

Выявляется роль денег и денежных регуляторов в формировании и функционировании экономического поведения, основные функции монетарного поведения в рамках экономического поведения. Деньги – чистейший пример инструмента, который в ходе исторического развития все более обращается из средства в цель и даже в самоцель для субъекта. Они воплощают принцип обмена, принцип эквивалентности затраченных усилий получаемым в итоге благам, а также принцип возмездности, возврата затрат в той или иной форме. Уровень и масштабы монетаризации поведения выступают одним из главных показателей «экономизации» хозяйственного поведения. Именно в деньгах и связанном с ними монетарном поведении выявляется приоритетность для индивида материальных потребностей и средств их удовлетворения, взятых в их отношении к нематериальным потребностям. Историческая миссия денег и заключается в формировании «экономического человека» с его специфическими ценностными установками.

В экономическом поведении, таким образом, обнаруживается, в какой степени материальные интересы становятся непосредственной целью деятельности субъекта и в какой мере этому интересу - как господствующей над всеми остальными цели - подчинены все другие интересы. Здесь приобретение благ из средства превращается в непосредственную ближайшую цель субъекта, которая соответствующим образом трансформирует всю систему его ценностей. Предлагается типологическая модель хозяйственного и экономического поведения (таблица).

Данные многочисленных социологических исследований, а также анализ статистических данных подтверждают вывод об укоренности в массовой хозяйственной практике российского населения скорее хозяйственного, чем собственно экономического поведения. Переход от преимущественно хозяйственного поведения к экономи-

ческому выступает в качестве одной из главных проблем формирования экономической системы рыночного типа. Центральной здесь оказывается проблема переопределения места экономических ценностей в сложившейся иерархии основных жизненных ценностей.

Хозяйственное поведение и экономическое поведение

Характеристики	Хозяйственное поведение	Экономическое поведение
Цель деятельности	Приобретение средств для удовлетворения потребностей	Накопление и умножение средств как самоцель
Отношение к социальным (внеэкономическим) ценностям	Подчинение социальным целям и нормам	Возвышение над внеэкономическими ценностями, использование их в качестве средства
Характер социальных связей	Персонализированный, основанный на личной вовлеченности	Обезличенный, анонимный, формализованный
Критерии оценки деятельности	Обеспечение воспроизводства наличного образа жизни	Соизмерение затрат и результатов посредством денег
Роль монетарного поведения	Периферийная	Доминирующая

В этой связи выявляются исторически сформировавшиеся особенности хозяйственного этоса россиян как системы ценностных приверженностей, установок и стереотипов в сфере хозяйства. Ведущее место в его границах занимает принцип возвышения духовных ценностей над материальными, подчинения материальных интересов нравственных приоритетов. Главные черты российского хозяйственного этоса обусловлены не только особыми историческими, природно-климатическими и т.п. условиями, но и конечными идеалами российской культуры, которые в определенной мере трансцендентны по

отношению к этим условиям. В процессе социально-экономической трансформации интенсивно эволюционирует и частично сменяется слой периферийных, но не базовых (системообразующих) ценностей. Таким образом, национальная идентичность в сфере хозяйственного поведения заметно ограничивает возможности «экономизации» традиционного хозяйственного мышления и поведения россиян.

Опыт модернизации в странах Юго-Восточной Азии и в первую очередь в Японии свидетельствует о том, что тотальная экономизация мышления и поведения отнюдь не является обязательным условием создания рыночного хозяйства. Скорее это историческая особенность вестернистского проекта модернизации. Отказ от собственной национальной самобытности, от культурной идентичности, напротив, может заметно тормозить процесс социально-экономического преобразования традиционного общества в «современное».

В этой связи в параграфе 2.2 *«Критический анализ экономического редукционизма»* предпринимается исследование мировоззренческих, теоретических и методологических предпосылок так называемого «экономизма» (экономического редукционизма), получившего развернутое обоснование в концепциях «экономического империализма» Г. Беккера, а также в рамках социологической парадигмы социального обмена. Гипертрофированное представление о роли экономических ценностей в жизни современного общества и индивида покоится на ряде не всегда эксплицируемых предпосылок мировоззренческого и методологического порядка. Первой из них выступает убежденность в универсальном, всеобщем характере исходного для сферы хозяйства вообще отношения полезности, т. е. рассмотрения всех наличных связей и отношений как средств удовлетворения потребностей, прежде всего материальных. Вторым шагом на этом пути выступает субстанциализация указанного отношения, то есть его полагание в качестве наиболее фундаментальной основы любого человеческого действия вообще.

В методологическом плане экономический редукционизм трактуется как рефлексия повседневной практики современного «потребительского общества», как абсолютизация свойственных ему идентичностей и норм поведения, как экстраполяция определенного конкретно-исторического типа личности на парадигматику социальной

теории вообще. Теоретическая конструкция «экономического человека» как рационального максимизатора полезности отнюдь не является универсальной. Она – продукт длительного развития западной цивилизации, определенный итог ее эволюции. Ограниченность и непродуктивность экономистских подходов подвергаются критике как со стороны самих западных интеллектуалов, так и деятелей мира бизнеса. Постмодернизм, претендующий на «преодоление» экономического, в действительности, может быть интерпретирован как лишь позднейшая (гедонистическая, а не утилитарная, трудоцентристская) фаза в его развитии.

Одной из ведущих сфер развертывания экономического поведения выступает в современном обществе профессиональная деятельность. В главе 3 *«Профессия как категория экономико-социологического анализа»* раскрывается взаимодействие ценностей-средств и ценностей-целей в границах профессионального поведения. Профессиональная деятельность детерминирована не только экономически, она выступает также и сферой самореализации личности.

Параграф 3.1 *«Понятие профессии»* содержит экономико-социологический экскурс в историю формирования и развития этой базовой социально-экономической категории. Анализируются концепции профессии и профессионального развития, выдвинутые К. Марксом, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, существенные различия и даже расхождения между ними в трактовке сущности и основных признаков профессии. Уже в XIX в. сформировалось представление о дихотомии «высших» и «низших» профессий, остро встал вопрос о генезисе профессий, о месте «традиционных» и «экономических» профессий в профессиональном комплексе. В. Зомбарт и Г. Зиммель, в свою очередь, поставили проблему «органического» (на основе личных умений и талантов производителя) и «неорганического» (на основе прежде всего экономической необходимости) развития профессии.

Наиболее всеобъемлющая и исторически масштабная картина профессиональной структуры и профессионального развития представлена в работах М. Вебера, в первую очередь в его «Хозяйстве и обществе». Демонстрируются преимущества его подхода к анализу профессиональных феноменов, состоящие в фундаментальности, ис-

торичности, масштабности и всеохватности. Отмечается специальный интерес Вебера к изучению взаимосвязей хозяйственного и профессионального развития, а также многообразных последствий коммерциализации всего профессионального комплекса. Развитое рыночное хозяйство, как показывает Вебер, ставит на место органического развития профессии тенденцию ее всестороннего подчинения целям получения прибыли. Главным критерием профессионального развития становится экономическая эффективность.

В 1970-80-е гг. в отечественной социологии сформировалось понимание профессии, основывающееся на восходящих еще к классикам социологии концепциях профессии как деятельности, как разновидности социальной группы, а также как специальных качеств личности, ее способностей и дарований. Вместе с тем теоретический статус понятия профессии имел устойчивую тенденцию к снижению, к превращению в концепт преимущественно эмпирической и описательной науки. Значительный отпечаток на социологию профессий в советский период накладывало также господство марксистской теории и методологии с присущей ей гипертрофией роли материального производства в процессе генезиса, функционирования и развития профессий. В целом сформировавшаяся в рамках отечественного обществознания социология профессий имеет фрагментированную теоретическую основу и в настоящее время переживает состояние методологического кризиса. До сих пор наблюдается путаница в понятиях «занятие», «профессия», «специальность», не создана единая классификация профессий.

В диссертации предлагается понимание профессии как социального механизма дифференциации и специализации трудовой деятельности на видовом (внутривидовом) уровне, функционирующего как средство развития содержания труда. Принципиально важным представляется здесь указание на социально-технологическую, т.е. несубстанциальную, природу профессии, а также на способность профессиональной деятельности удовлетворять широкий круг общественных (а не только производственных) потребностей. Профессиональный комплекс нацелен на обеспечение не только экономических, но и широких социально-культурных функций, на удовлетворение потребностей как общественного производства, так и личности.

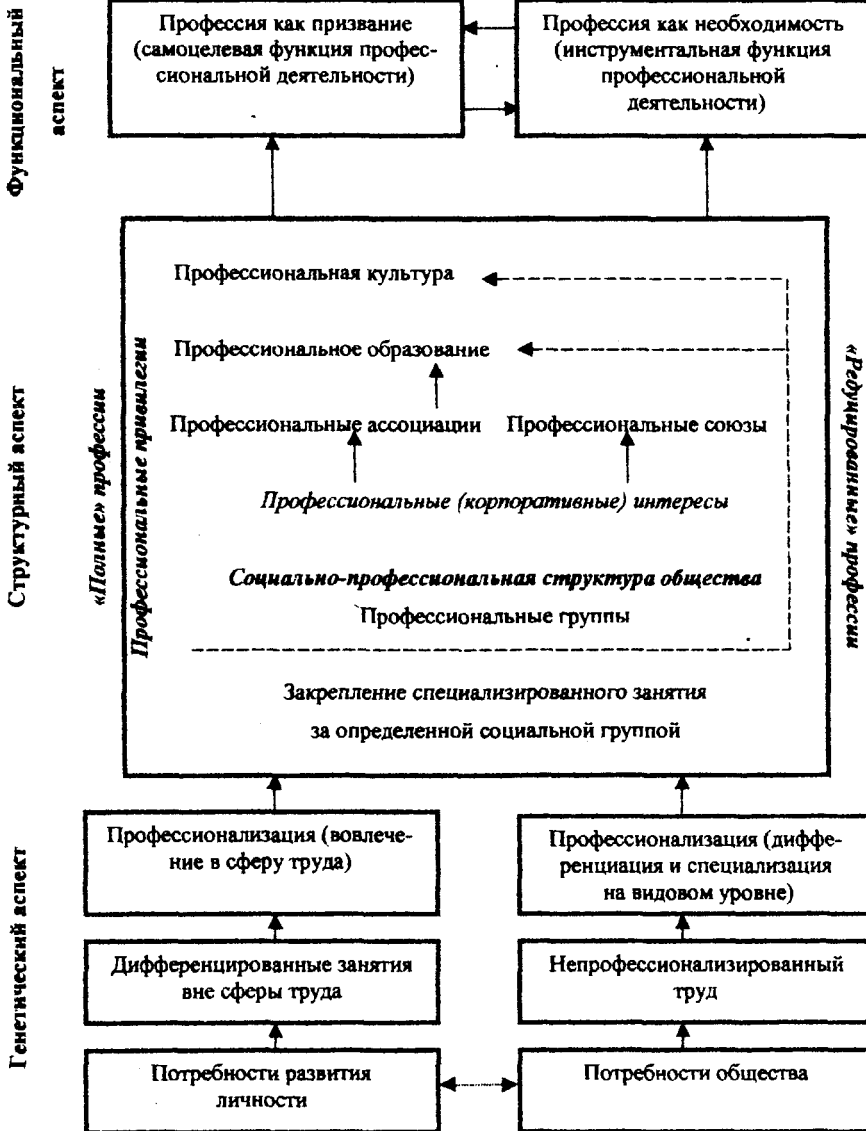
Параграф 3.2 *«Двойственная природа профессии»* посвящен

обоснованию собственного видения автором сущности профессии и разработке нового подхода к исследованию профессий средствами социологической науки. Исходным при этом выступает широко принятое в западной социологии разделение профессий на «простые» и «сложные», «низшие» и «высшие», или на «занятия», с одной стороны, и собственно «профессии», с другой стороны.

Подобное разделение имеет глубокие основания в самой структуре, генезисе, а стало быть, и в функционировании профессии. Для конституирования профессии необходимы по крайней мере два начальных условия: определенное обособление деятельности, ее дифференциация, с одной стороны, и закрепление за определенной социальной группой, которая использует занятие ею в качестве источника средств к существованию, с другой стороны. Эти условия соотносятся между собой как необходимые и достаточные и образуют феномен профессии, лишь будучи взятыми в неразрывном единстве.

В «полных» профессиях, обладающих всеми ее признаками, как правило, преобладает «органическое» профессиональное развитие на основе жизненного призвания и разделения труда по способностям. Напротив, «редуцированные» (не обладающие всей полнотой признаков) профессии подчиняются в своем развитии преимущественно логике функционирования экономических законов и обладают соответствующей значимостью для их представителей (рисунок).

Источником появления новых профессий, как подтверждает анализ их исторического развития, выступает не только видовая и внутривидовая дифференциация трудовой сферы, но и обширный круг занятий вне этой сферы (игрового, художественного, развлекательного, благотворительного, познавательного и т.п. характера). Исторически первыми выделились профессии на базе не технологического, а социального разделения труда, связанного с обособлением функций умственного труда, а также функций управления и организации, защиты от внешних врагов. Эти профессии не были прямо связаны с процессом производства, а обеспечивали начальные условия выживания и функционирования общества. Процесс развития профессий на основе также и технического разделения труда начинается несколько позднее, с отделением ремесла от земледелия.

Двойственный характер феномена профессии

Социальные последствия институционализации профессий, а также их втягивания в сферу рыночной экономики весьма противоречивы и неоднозначны. Она стимулирует не только интенсификацию деятельности профессионалов, но и обособление замкнутых корпоративных интересов, их противопоставление интересам общества. Вопрос о соотношении интересов профессионалов и интересов общества в целом нуждается в специальном изучении, в том числе средствами социологии. Чрезмерное давление коммерциализации на деятельность профессионалов, как свидетельствуют исследования западных социологов, может приводить к негативным последствиям.

Параграф 3.3 *«Профессия как экономическая необходимость и как призвание в социальном поведении россиян»* демонстрирует конфликт ценностной и целевой рациональности в сфере профессиональной деятельности, обусловленный в первую очередь кризисным состоянием современной российской экономики. Мотивация профессиональной занятости дифференцируется в этих условиях либо как деятельность по призванию, либо как деятельность, обусловленная преимущественно экономически.

Призвание как средство выявления аутентичности личности, коррелируя со смыслом жизни и выбором судьбы, по своей природе далеко выходит за рамки профессиональной занятости. Следование призванию может осуществляться либо как служение, либо как самореализация личности. Призвание и профессия, в свою очередь, могут соотноситься между собой тремя различными способами:

- реализация призвания за пределами сферы профессиональной занятости (в этом случае экономическая функция профессии не выражена, малозначима, играет подчиненную роль в поведении);
- ориентация преимущественно на экономическую функцию профессии в ущерб требованиям призвания, значимость которых осознается как малосущественная;
- жизненное призвание в основном реализуется в рамках профессиональной деятельности, т.е. призвание и профессия в определенной степени совпадают.

В последнем случае возможны два варианта: профессиональное призвание может осуществляться либо в согласии с экономической функцией профессии, либо вопреки ей. При рассогласовании эконо-

мической (инструментальной) и самоцелевой функций профессии индивид сознательно жертвует возможностями материального благополучия ради реализации профессионального призвания. Таким образом, здесь можно констатировать преобладание ценностно-рациональной мотивации профессиональной деятельности и говорить о конфликте между ценностью и пользой в рамках профессиональной занятости. Этот конфликт структурно положен, т.е. неизбежен, в системе современного разделения труда, поскольку общество не может обеспечить каждому занятому своему члену гармонию между возможностями развития своих способностей на основе профессионального призвания и правом на обеспеченное существование.

В условиях экономического кризиса, связанного с процессом становления рыночной системы, в структуре мотивации профессиональной деятельности закономерно происходит сдвиг на экономическую детерминанту. Особенно заметно падение ценностей профессионализма и профессиональной приверженности в сознании и поведении молодежи. Самостоятельное ценностное содержание профессиональной деятельности всё более утрачивается. Одновременно в более старших возрастных группах представители ряда массовых профессий, напротив, демонстрируют устойчивую и достаточно высокую привязанность к видам профессионального труда, оплата которого не обеспечивает даже уровень официально установленного прожиточного минимума. В обозримом будущем отмеченная тенденция подчинения интересов органического развития профессии требованиям ее экономической эффективности скорее всего сохранится, хотя это чревато отказом целых социальных групп и слоев от поисков собственной идентичности в сфере профессиональной деятельности.

Отмечается также тенденция деформации профессиональной деятельности под влиянием экспансии рыночных ценностей и интересов. Расхождение между нормами должностования, ориентацией на идеалы профессиональной деятельности, с одной стороны, и возможностями дополнительного материального вознаграждения за отступление от них представителей профессионального сообщества, с другой стороны, также можно интерпретировать как конфликт между ценностной и целевой рациональностью в поведении. Он порождается рассогласованием ценностно-нормативной системы, регули-

рующей деятельность профессионалов в условиях социальной анонимии, и усугубляется тенденциями депрофессионализации и частичной деквалификации целых социально-профессиональных групп.

В целом проблема соотношения призвания и профессии выходит за рамки собственно сферы экономического поведения, затрагивая состояние общественной морали, место профессиональных ценностей в общей системе ценностей, и ряд других более масштабных проблем, которые нуждаются в дополнительном исследовании.

В «Заключении» формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы. Подчеркивается, что при анализе социальных феноменов, обладающих преимущественно искусственной (телеологической) либо естественной (примордиальной) природой, востребуются и различные типы методологии. Если при анализе искусственных явлений вполне плодотворно работает система наличных теоретических моделей, концепций, подходов, то понимание органических феноменов демонстрирует их ограниченность.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Монографии, брошюры, учебные пособия:

1. Социология для студента: Учеб. пособие. Свердловск: Изд-во СИПИ, 1991. В соавт. 10 п.л.
2. Готовность инженерно-педагогических кадров к работе в новых социально-экономических условиях. Екатеринбург: Изд-во СИПИ, 1992. В соавт. 5 п.л.
3. Российский инженерно-педагогический работник перед лицом новых проблем. Екатеринбург: Изд-во СИПИ, 1992. В соавт. 4,7 п.л.
4. Основы социологии: Учеб. пособие для преподавателей и студентов. Екатеринбург: Изд-во СИПИ, 1993. В соавт. 9,5 п.л.
5. Молодежь района: социальные проблемы и пути их решения. Екатеринбург: Изд-во «СВ», 1996. В соавт. 13,5 п.л.
6. Профессиональное образование и социальная ответственность на рабочих местах в России и в Германии (на рус. и нем.

яз.). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1996. В соавт. 22,7 п.л.

7. Альтернативы экономического поведения: Человек в переходной экономике. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.- пед. ун-та, 2000. 9,9 п.л.

Статьи, главы в монографиях:

8. Единство экономической и культурной политики в социалистическом обществе //Некоторые проблемы теории научного коммунизма в свете документов XXVI съезда КПСС: Сборник. М., 1984. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР № 18917 от 6.12.84. 1 п.л.

9. Укрепление трудовой дисциплины и повышение культуры труда – необходимое условие воспитания //Материальные, духовные и организационные факторы формирования нового человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. Гл. 1, п. 5. В соавт. 0,5 п.л.

10. Становление культуры труда молодого рабочего // Формирование молодого рабочего: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во СИПИ, 1988. 0,4 п.л.

11. Профессиональное образование и моральная социализация молодых работников: сравнительное российско-немецкое исследование // Вестник Учебно-научно-методического объединения вузов России по профессионально-педагогическому образованию. Вып. 4 (18). 1995. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.- пед. ун-та, 1996. В соавт. 0,5 п.л.

12. Berufliche Bildung und sociale Verantwortung am Arbeitsplatz in Russland und Deutschland //Zeitschrift fur Berufs- und Wirtschaftspadagogik (Stuttgart). 1996. 92. Bd. H. 6. В соавт. 1 п.л.

13. Природа ценностно-рационального действия // Уральская социология на рубеже веков: Преемственность поколений. В 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 0,6 п.л.

14. Методологические проблемы социологии профессий // Социол. исслед. 2000. № 8. 1 п.л.

Тезисы выступлений на конференциях:

15. О культуре труда //Культура труда как фактор повышения эффективности общественного производства: (Тез. докл. межотрасл. науч. - практ. конф.). Уфа, 1979. В соавт. 0,2 п.л.

16. Культура труда, быта, человеческих отношений в развитом социалистическом обществе и становление нового типа культуры // Культура труда, быта и человеческих отношений: (Тез. докл. науч. симпоз.): В 2 ч. Ч. II. Уфа, 1980. 0,1 п.л.

17. Проблема соотношения экономики и культуры в теоретическом наследии К. Маркса // Всесоюзные философские чтения молодых ученых «XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии»: Философия, политика, культура. (Тез. к конф.). Вып. VI. М., 1984. 0,2 п.л.

18. Повышение культуры труда – объективное условие развития социализма // Тез. докл. обл. конф. молодых ученых по общ.-полит. и науч.-техн. проблемам, посвященной XX съезду ВЛКСМ. Ч. I. Иваново, 1986. В соавт. 0,1 п.л.

19. Культурное обновление общества как ключевая задача перестройки // Перестройка в духовной сфере: сущностные черты, проблемы и пути их решения: (Материалы регион. науч.-практ. конф.). Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1989. 0,2 п.л.

20. Молодежь в условиях перехода к рыночной экономике // VIII Уральские социологические чтения: Социология – народному хозяйству и культуре страны. Тез. докл. Секция IУ: Социальные проблемы молодежи. Курган, 1991. В соавт. 0,1 п.л.

21. Метаморфозы трудовой морали // Духовность и культура: Материалы Всероссийской конф. 14-16 июня 1994 г. Екатеринбург: Изд-во Урал гос. ун-та, 1995. 0,2 п.л.

22. Социокультурные проблемы становления национальной модели экономики рыночного типа в современной России // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее: Тез. Всерос. конф. (Екатеринбург, 17-19 ноября 1994 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 1995. 0,2 п.л.

23. Молодые безработные и служба занятости // Молодежь – будущее России: Тез. докл. X Уральских социол. чтений 11-12 сент. 1996. В 2 ч. Ч. I. Екатеринбург, 1996. В соавт. 0,1 п.л.

24. О национальной и региональной специфике экономической ментальности россиян // Уральский регион как социум: Материалы XI Уральских социологических чтений. Челябинск, 1998. 0,2 п.л.

25. О социологическом подходе к классификации профессий // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и эконо-

мики: Тез. докл. межрегион. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.- пед. ун-та, 1999. 0,1 п.л.

26. Естественное и искусственное в развитии общества //Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики: Тез. докл. III межрегион. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.- пед. ун-та, 2000. 0,1 п.л.

27. Примордиальность в системе категорий социального познания // Уральская социология: традиции и новации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 0,1 п.л.

Подписано в печать 8.08.2000. Формат 60х84/16. Бумага для множ. аппаратов. Усл.печл. 2,1. Уч.-изд. л. 2,3. Тираж 100 экз. Заказ № 289

Отпечатано на ризографе Уральского государственного профессионально-педагогического университета. 620012, г.Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.